

2 APR 1982
УНИОН-ОБЗЕРАМЕ
г. Москва

2207

СТАНОВЛЕНИЕ советской дипломатии, ее роль в борьбе за мир — одна из основных тем творчества Саввы Дангулова. Широко известны книги писателя «Тропа», «Дипломаты», «В дорогах и поисках», «Заутреня в Рапалло». На соискание Ленинской премии выдвинут его роман «Кузнецкий мост» о наркоминдельцах сороковых годов и их партнерах по антигитлеровской коалиции на Западе. Издательство «Художественная литература» приступило к выпуску собрания сочинений С. Дангулова в пять томов.

— **Савва Артемьевич, чем объясняется постоянный ваш интерес к дипломатической теме?**

— Дипломатия — часть моей жизни. Я пришел в Наркоминдел незадолго до начала Великой Отечественной войны и почти все четыре военных года работал на Кузнецком мосту в отделе печати. Судьба Советского государства решалась, конечно, на полях сражений, но в немалой степени и за столом переговоров. Я видел замечательных советских дипломатов, их напряженный труд, огромные усилия в борьбе за победу. И с годами во мне росла потребность рассказать о них...

На мой взгляд, в нашей литературе еще не нашла до-

Беседа с Саввой Дангуловым

статочного выражения работа дипломатов. Читатели очень мало знают о дипломатии, может быть, потому, что долгое время считалось: это настолько серьезно, понятно лишь специалистам, что писать об этом «художественно» невозможно. А я знал многих советских дипломатов, и мне было обидно, что об этих великодушных людях у нас так мало известно.

И еще одна причина. На планете беспокойно, международная обстановка очень сложна. И сегодня дипломаты находятся, выражаясь языком военных, на передовой линии борьбы за мир.

— **С чего началась ваша работа в литературе?**

— Задумав написать масштабное произведение о работе дипломатов в военные годы, я долгое время не мог к нему приступить. Дело было не только в недостатке литературного опыта. Он у меня отчасти уже был. И все-таки для большого романа о штабе советской дипломатии в военные годы я был еще не готов. Я понял, прежде надо обратиться к самому началу — становлению советской

дипломатии, ведь именно тогда были заложены принципы советской внешней политики. Так написал повесть в рассказах «Тропа» о первом годе после Октябрьской революции, событиях в Бресте, об усилиях советских дипломатов, направленных на прорыв дипломатической блокады. Следом за этой книгой взялся за роман «Дипломаты».

Восемнадцатый, самый ответственный, трудный для судеб Октября год. В этом произведении, где сравнительно небольшое количество действующих лиц, мне хотелось глазами молодого дипломата представить Ленина, творца советской внешней политики, и его американских собеседников. Я говорю о «Тропе». В «Дипломатах», кроме исторических реальных лиц, я ввел в роман героев, которых вызвало авторское воображение, — это, в частности, образы Белодода и Репнина. В отличие от «Тропы» роман «Дипломаты» — вещь многосложная.

Работая над «Тропой» и затем над «Дипломатами», мне не раз пришлось совер-

шать экспедиции по местам узловых событий того времени: Брест, Вологда, побережье Северного моря, Берлин, Эдинбург, Стокгольм. В результате этих поездок родилась еще одна книга — «Пятнадцать дорог на Эгль». И вот тогда — в конце шестидесятих годов — я почувствовал себя внутренне готовым к созданию «Кузнецкого моста».

— **Как возникла идея «Кузнецкого моста»?**

— Впервые мысль о таком романе возникла у меня еще в годы войны, и подсказана она во многом Алексеем Николаевичем Толстым. Это было в 1943 году. Наши войска только что освободили Харьков, и Наркоминдел поручил мне срочно организовать в этот город поездку иностранных корреспондентов. В Харькове уже находилась большая писательская группа, в которую входили Толстой, Леонов, Эренбург, Симонов и другие. Так я впервые встретил Алексея Николаевича. Он жадно расспрашивал меня об иностранных журналистах и предложил возвращаться в Москву

вместе. В поезде Толстой продолжал свои расспросы, интересовался, что это за народ — иностранные корреспонденты, — а там были весьма колоритные фигуры, такие, как Джером Дэвис, Ральф Паркер. Его интересовало их профессиональное умение, как они воспринимают военные события, относятся к требованию об открытии второго фронта. Я даже подумал, что у Толстого возник замысел нового большого произведения, где героями будут корреспонденты.

Толстой спросил тогда, веду ли я дневники. Узнав, что веду лишь отрывочные записи, Алексей Николаевич долго меня корил. Он говорил, что передо мной раскрываются такие интересные события, что я свидетель необычного аспекта войны, и надо постоянно, изо дня в день записывать свои впечатления.

Планы о романе вынашивались долго. Постепенно идея произведения выкристаллизовывалась.

После войны наши недруги говорили, будто мы одержали победу в силу простого

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ

превосходства в живой силе и технике. Но это неверно. Я посчитал необходимым заострить внимание на том, что огромное значение для победы имело превосходство духа советского человека, его опирающееся на октябрьские принципы мировоззрение, достоинство характера, качество интеллекта.

Создание союза держав и антигитлеровской коалиции было ярчайшим подтверждением верности ленинских принципов внешней политики, декларированной нами еще на Генуэзской конференции.

Эти два начала и определяют идею романа «Кузнецкий мост».

— **Роман «Кузнецкий мост» — произведение не строго документальное. Как сочетаются в нем факт и вымысел?**

— В основе романа лежат, разумеется, истинные события: война и советская дипломатия, решающая конкретные задачи. Речь идет о кардинальной проблеме того времени — открытии второго фронта. Тогда, хотя и была создана антигитлеровская

коалиция, в мире действовало и много других сил. Усилия Советской страны в той сложной обстановке направлялись на то, чтобы восторжествовала добрая воля. Исключительное значение приобретали в связи с этим дипломатические поиски.

Естественно, воссоздав только исторические фигуры, я не мог бы воспроизвести все многообразие происходящего. Надо было, чтобы в романе участвовали герои, которые не скрывали бы меня своим официальным положением, точным ликом. Возникла необходимость создать фигуры собирательные, обобщающие в смысле обобщения того, что знал, наблюдал, что являлось плодом и моего видения, моих раздумий, анализа, моего эмоционального восприятия. Так появились в романе образы центральных героев — дипломата Бардина, его молодого коллеги сотрудника отдела печати НКВД Тамбиева, работающего за рубежом Бекетова.

Но, давая свободу воображению, я останавливал его, когда дело доходило до изоб-

ражения реальных событий, реальных лиц.

Есть, конечно, и такие сцены в романе, которые я не мог наблюдать непосредственно. Они создавались на основе архивных материалов, различных воспоминаний.

— **Савва Артемьевич, роман «Кузнецкий мост», как, впрочем, и другие ваши произведения, — об истории, и одновременно он глубоко связан с современностью. В чем вы видите его актуальность?**

— Сегодня описываемые в «Кузнецком мосту» события приобретают необыкновенно важное значение. Предотвратить угрозу новой войны — это очень важное обстоятельство, на мой взгляд, и определяет актуальность романа, придает ему острое современное звучание.

— **Заметное место в ваших книгах занимают фигуры выдающихся советских дипломатов. Вот и среди героев последнего романа «Заутреня в Рапалло» Чичерин, Красин, Литвинов, Воронский. Как создавались их портреты? Что определяет главную идею нового вашего произведения?**

— Когда речь идет о советской дипломатии, естественно, возникают фигуры, которые сыграли выдающуюся роль. Мне эти фигуры интересны. В них преломилось

величие того, что совершала наша дипломатия. Это люди высокой идеи, сами пришедшие в революцию. Более того — это рыцари революции. И сформировал их, сплотил великий Ленин. Это люди передового мировоззрения, необыкновенного интеллекта, огромных знаний. О них есть множество свидетельств: так, например, Ллойд-Джордж, наблюдая за ними в Генуе, сказал, что они знают Западную Европу так, как не знают ее западные дипломаты.

Я прошел всеми тропами, которыми прошли эти дипломаты, собрал о них огромный документальный материал, в частности эпистолярный. К примеру, из Стокгольма привез много неопубликованных и малоизвестных писем Коллонтай.

Почти все они действуют в моем романе «Заутреня в Рапалло», в конце 1981 года вышедшем в издательстве «Молодая гвардия». В основе этой книги — идея нерасторжимости человека и его Родины. А утверждается эта мысль на фоне Генуэзской конференции. Я дал точный дневник происшедших там событий, попытался подробно осветить великую генуэзскую идею — идею мирного сосуществования. Эта

идея жива и будет жить. Шестидесятилетие Генуэзской конференции, которое мы отмечаем в эти дни, даст нам еще один повод вспомнить об этом.

— **Продолжаете ли вы работать над своей главной темой?**

— Да. Я заканчиваю новый роман, в основе которого — миссия Вильяма Буллита в Россию в апреле 1919 года, в самый разгар Версальской конференции. Она была сформирована Вильсоном и Ллойд-Джорджем с целью изучить, на каких условиях возможен мирный договор России с Антантой. Миссию принял Ленин. Он отнесся к ней весьма доброжелательно. Буллиту дали понять, на каких условиях наша страна готова заключить договор о мире с Антантой. Однако позднее Вильсон и Ллойд-Джордж отказались от идеи мирного договора, чем поставили миссию Буллита в сложное положение. Образ Буллита неоднозначен. Мне хочется разобраться в этой противоречивой фигуре, осветить роль его миссии, утвердить мысль о миролюбии нашей внешней политики, миролюбии, которое ей было свойственно исторически.

Беседу вел
Вячеслав ОГРЫЗКО.